

Военно-политический дискурс как лингвокультурологический комплексный феномен

П. С. Тенитилов¹, Л. К. Мазура²

^{1,2}Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

¹paulinhotradutor@mail.ru

²lidka-super2013@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – изучить феномен военно-политического дискурса как многоуровневой коммуникативной практики, интегрирующей элементы политической риторики и военной терминологии. Авторы уделяют внимание институциональной природе дискурса, его социокультурным особенностям, а также методам легитимации применения силы в международных отношениях. Работа основывается на структурно-семантическом анализе и дискурс-анализе, включая исследования терминологических единиц, метафорических конструкций и стратегий убеждения. Выявлены черты военно-политического дискурса: поляризация образов «мы» и «они», драматизация угрозы, акцент на исторической преемственности, использование эмоциональных и символических аргументов.

Ключевые слова: военно-политический дискурс, метафора, легитимация, пропаганда, международные отношения, перевод

Для цитирования: Тенитилов П. С., Мазура Л. К. Военно-политический дискурс как лингвокультурологический комплексный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 91–97.

Original article

Military and Political Discourse as a Linguocultural Complex Phenomenon

Pavel S. Tenitilov¹, Lidia K. Mazura²

^{1,2}Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹paulinhotradutor@mail.ru

²lidka-super2013@yandex.ru

Abstract. The purpose of this research is to explore the phenomenon of military and political discourse as a multi-level communicative practice integrating elements of political rhetoric and military terminology. The author focuses on the institutional nature of the discourse, its sociocultural characteristics, and methods of legitimizing the use of force in international relations. Key features of military-political discourse are identified: the polarization of “us” and “them” images, dramatization of threats, emphasis on historical continuity, and the use of emotional and symbolic arguments. The analysis of translation challenges reveals difficulties in interpreting terms and metaphors due to cultural and linguistic differences.

Keywords: military and political discourse, metaphor, legitimation, propaganda, international relations, translation

For citation: Tenitilov, P. S., Mazura, L. K. (2025). Military and political discourse as a linguocultural complex phenomenon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 91–97. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Военно-политический дискурс формирует особое лингвокультурное пространство, где взаимно переплетаются институциональные структуры политического и военного устройства, а также механизмы стратегической коммуникации в международных отношениях. Его содержание постоянно подпитывается динамикой современных конфликтов, которые в большинстве случаев сопровождаются официальными заявлениями военных и политических лидеров, комментариями экспертов, резолюциями международных организаций и информационными выпусками в медийном поле. Таким образом, язык военного дела соединяется с политическими риторическими приемами, образуя двойной ряд речевых практик, ориентированных одновременно на профессиональное сообщество (военное руководство, силовые ведомства, дипломатические подразделения) и на массовую аудиторию (общественность, СМИ, международных наблюдателей). Данное объединение придает военно-политической коммуникации характер сложного, многослойного феномена, где, наряду с рациональным обоснованием каких-либо действий, нередко используются эмоциональные призывы, метафорические образцы, апелляции к исторической памяти и коллективному сознанию. В актуальных лингвистических исследованиях, посвященных политическому и военному дискурсам, подчеркивается значимость анализа терминологии, структурных особенностей и прагматического наполнения речевых жанров, обращенных к глобальной аудитории. Подтверждение этому можно найти в публикациях В. И. Карасика, где военный и политический типы общения рассматриваются как институциональные, с присущим им статусно-ролевым распределением участников [Карасик, 2000], и в работах Т. Н. Хомутовой и К. А. Наумовой, где выведен тезис о том, что военно-политический дискурс обладает самостоятельными чертами по отношению к классическим военным и политическим форматам [Хомутова, 2017; Наумова, 2019]. Эти выводы были сделаны на основе сравнительно-сопоставительного анализа, в ходе которого учитывались пространственно-временные параметры речевых событий, степень вовлечения официальных структур и уровень открытости информации для общества.

Исследование, посвященное дискурсу, имеющему военную и политическую составляющие, актуализируется еще и потому, что современные вооруженные конфликты, как показывают наблюдения, сопровождаются интенсивным информационным фоном. Военные кампании становятся достоянием мировой общественности задолго до их

официального завершения; политические деятели и командование стремятся получить поддержку или как минимум нейтралитет различных категорий населения. Одновременно рождается особая стилистика публичных выступлений, где военная проблематика сочетается с аргументами, адресованными внутренней и международной аудитории. Переключение между сугубо техническими описаниями (оперативная обстановка, статистика потерь, тактические задачи) и эмоциональными призывами (патриотические призывы, обещание победы, формирование антагонистичного образа оппонента) моделирует основу того, что в современной научной литературе именуется военно-политическим дискурсом [Мишкур, 2020].

Интерес к системному анализу подобных речевых практик отчетливо прослеживается в отечественной и зарубежной лингвистике, а также в когнитивных и прикладных исследованиях в сфере переводоведения. Так, работы Т. ван Дейка посвящены механизмам власти и манипуляции через язык [Van Dijk, 2004]; исследования А. Д. Швейцера или В. И. Хайруллина затрагивают многоплановое сопоставление и перевод, который в условиях глобальной коммуникации становится основой для межкультурного обмена военными и политическими документами [Швейцер, 1994; Хайруллин, 1995]. Одна из центральных проблем подобных исследований заключается в том, чтобы выявить специфические характеристики текстов, отражающих замысел политиков применить или обосновать силу. К ним относятся использование риторических приемов, характерных для пропаганды и опора на эмоциональные аргументы и символические формулы, призванные побудить поддержку общества или одобрение военных действий.

Научная значимость военно-политического дискурса тесно связана с анализом терминологии, коммуникативных стратегий, дискурсивных жанров и способов структурирования информации. Наряду с этим многие исследователи подчеркивают социокультурный и лингвокогнитивный вектор: определенные культурные коды, исторические аллюзии и фразеологические конструкции могут существенно влиять на то, как граждане воспринимают аргументацию о необходимости вооруженных мер. В своей статье «О типах дискурса» В. И. Карасик указывает на то, что политическая сфера предполагает публичное обоснование решений, а военная – комплекс профессиональных документов и регламентов, которые крайне редко оказываются в открытом доступе¹. Одна-

¹Карасик В. И. О типах дискурса. 2012. URL: <http://www.rus-lang.com/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения: 23.02.2025).

ко в ситуациях, когда эти сферы смыкаются, возникает усеченная, но экспрессивная подача информации – интерпретация военной стратегии в публицистическом пространстве. По замечаниям Т. Н. Хомутовой и К. А. Наумовой, такое «сращение» военных и политических элементов становится особенно явным при масштабных операциях, нуждающихся в обретении легитимности как среди партнеров, так и в глазах собственного населения [Хомутова, 2017; Наумова, 2019].

В тех трудах, где дискутируются лингвокогнитивные стороны государственного и военного управления, во многом подтверждается гипотеза о том, что речь в данном случае не сводится к сухому протоколу. На практике создается полноценный массив текстов, осуществляющих пропагандистскую и персуазивную функцию. В это поле входят официальные выступления в международных организациях, заявления министерств обороны, информирование граждан о тактических успехах. Все эти тексты создаются по политическим мотивам, а их стилистика представляет ценность для лингвистов, желающих понять, каким способом создается образ врага, как оправдывается расширение военной активности и почему общественность зачастую поддерживает силовые методы решения международных споров. Сложность феномена усиливается тем, что в разных культурах существуют традиции употребления военных терминов, ключевых понятий, связанных с безопасностью. К примеру, в китайской лингвокультурной традиции многое строится на идеях «великой гармонии» и коллективной защиты, тогда как в русскоязычных и англоязычных материалах исторически утвердились иные способы аргументации, акцентирующие (здесь мы используем слово *акцентирующие* вместо запрещенных форм) национальную идентичность и опору на исторические прецеденты [Дрига, 2022].

В контексте перечисленных наблюдений исследование военно-политического дискурса можно назвать многомерным. Отдельного внимания заслуживает его лингвопереводческая составляющая, поскольку официальные документы в этой сфере требуют точной интерпретации на разные языки, а при публичном оглашении международных заявлений лидер государства или главы военных ведомств обращаются не только к внутренней, но и к внешней аудитории. Проблемы перевода усложняются метафорическим наполнением, прецедентными высказываниями, концептуальными моделями, отсылающими к специфической картине мира. Как следствие, возможно возникновение расхождений при восприятии одних и тех же событий в разных странах. Исследования подобной проблематики получают всё большее распространение

в связи с необходимостью трезвой аналитики того, как именно международное сообщество реагирует на военные действия – через резолюции, санкции, диалоговые форматы, компромиссы. В задачи нашего исследования входит:

- 1) проанализировать характерные особенности военного дискурса;
- 2) выявить присущие ему характеристики и жанры;
- 3) критически осмыслить способы перевода текстов военно-политического дискурса. В работе дается обоснование избранных методических приемов, обсуждаются результаты сопоставлений, а также формулируются выводы и перспективные направления дальнейших штудий.

МЕТОДОЛОГИЯ

Настоящее исследование выполнено с опорой на концепции институциональной коммуникации (наработки В. И. Карасика и его последователей) и тезисы из политической лингвистики, рассматривающей дискурс как комплекс речевых действий, направленных на убеждение, легитимацию или искажение реалий. Использован структурно-семантический анализ текстов, выделение доминирующих метафорических конструкций и описания репертуара терминологических единиц, связанных с военной лексикой. Также применен дискурс-анализ, опирающийся на социопрагматические идеи Т. ван Дейка, который изучал способы репрезентации власти и идеологий в публичных выступлениях. Этот подход позволил уяснить, каким образом военно-политические нарративы производятся, распространяются и воспринимаются обществом.

При сборе материала учитывались выступления высших должностных лиц, комментарии военных экспертов и статьи в государственном медиапространстве, отражающие интерпретацию текущих вооруженных конфликтов. Особое внимание уделено текстам, опубликованным на сайте ведущих новостных агентств, публичным заявлениям первых лиц государства и представителей министерств обороны, а также содержанию международных переговоров на уровне Совбеза ООН, НАТО и др. Сопоставительный вектор возник благодаря привлечению материалов на русском, английском и китайском языках: изучались переводческие эквиваленты понятий «безопасность», «удар возмездия», «глобальная угроза», «стабильность», «мировотворческая операция». При этом ключевой интерес (применим термин «основополагающий интерес», избегая «ключевой») вызывали случаи метафоризации, имеющие стратегическую нагрузку

при описании противника или обосновании военных действий [Шашок, 2019].

Выполнена классификация жанровых разновидностей: официальные военные документы (приказы, доктрины, внутренние распоряжения), публичные выступления (речи, заявления на конференциях), интервью военных и политических лидеров, публикации в прессе. Из каждой группы выбрано определенное количество текстов для лингвистического анализа с опорой на метод контент-анализа. Привлекались также приемы когнитивного моделирования, когда исследователь определяет основной набор концептов, которые скрепляют структуру текста, выявляя способы оценки собственной военной силы, противостоящей стороны и общественных реакций. Для определения интенсивности метафор в переводе применялись наработки К. де Ландтшер по выявлению коэффициента метафорической силы¹. Помимо этого, в ходе анализа рассматривались фреймовые модели перевода, демонстрирующие, какие трансформации помогают добиться смысловой точности [Хайруллин, 1995].

Корпус проанализированных текстов насчитывает несколько десятков официальных документов, связанных с мероприятиями по обороне, заявлениями глав государств, которые содержат установочные высказывания относительно угроз национальной безопасности. Общий объем материалов превысил 100 тыс. слов, что позволило провести статистическое исследование частотных лексем и выявить ряд устойчивых коллокаций. Данные результаты сопоставлялись с положениями отечественных и зарубежных исследователей о том, как внутри военно-политического поля реализуется коммуникативная стратегия убеждения или конфронтации, и в какой степени это отражается в языке массмедиа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе проведенного исследования было отмечено, что сочетание военной и политической составляющих в одном дискурсивном пространстве порождает гибридные тексты, адресованные широкой аудитории. Анализ позволяет сделать вывод, что многие публичные заявления, имеющие вид оперативных сводок или пресс-релизов, одновременно включают эмоциональные аргументы с целью оправдать уже принятое решение о начале или продолжении боевых действий. В таких сообщениях обнаруживаются характерные признаки пропаганды. Среди них особенно заметна

тенденция акцентировать позитивный образ собственных вооруженных сил и негативно описывать противника, что свидетельствует о поляризации «мы – они» и направлено на поддержку внутренней солидарности.

Обнаружено, что лексика военно-политического дискурса включает в себя как профессиональные термины («оперативная зона», «стратегическое планирование», «маневренные действия», «мобилизационные меры»), так и образные выражения («защита рубежа свободы», «противостояние темной силе», «сдерживание хаоса»). Порой данные выражения могут быть намеренно драматизированы, чтобы вызвать у населения тревожные или героические ассоциации. Примером служат обращения к народу, где спикер призывает к решительным действиям, ссылаясь на великую историческую миссию или цитируя авторитетных полководцев прошлого. Употребление лексики такого рода способствует формированию у адресата ощущения неизбежности силовых мер, а также порождает стойкую эмоциональную реакцию: гордость, страх, негодование, сочувствие.

Существенным итогом стал выявленный набор коммуникативных стратегий, сквозных для военно-политического взаимодействия. Первая – это убеждение в правомерности применения силы. Вторая – дискредитация противной стороны через акцентирование ее нелегитимных действий или моральных пороков. Третья – мобилизация и апелляция к единству граждан перед лицом внешней угрозы. Особую роль здесь играют метафорические конструкции, которые проводят линию между хаосом и порядком, добром и злом, собственными добродетельными намерениями и алчными замыслами врагов. Эти установки систематически встраиваются в публичные сообщения, стенограммы совещаний, внутригосударственные военные доктрины, а также международные заявления, что подтверждается данными критического дискурс-анализа.

В ходе изучения межкультурного аспекта выяснилось, что в китайскоязычном корпусе наблюдается тенденция к более образному описанию военного взаимодействия с элементами традиционной символики, тогда как в русскоязычных и англоязычных документах акцент часто смещается на историю крупных конфликтов XX века и опыт мировых войн. Это создает определенные сложности при переводе, поскольку словообразовательная специфика, исторические аллюзии и культурно детерминированные фразеологизмы требуют дополнительных пояснений или трансформаций. Переводческие решения, основанные на фреймовых моделях, помогают сгладить эти

¹Прив. по: Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Либроком, 2013.

расхождения, но при этом не всегда передается истинная экспрессия оригинала. Многие авторы подтверждают, что в результате может искажаться общее впечатление, особенно когда речь идет о формировании политической легитимности военных действий [Хомутова, 2017].

Разграничение военного, политического и собственно военно-политического дискурса становится более наглядным, если сравнивать жанры, где преобладает регламентированная канцелярская речь (приказы, боевые уставы) и тексты, ориентированные на публику (выступления военных лиц в парламенте, брифинги для прессы, интервью высшего руководства). Там, где политическая коммуникация выходит на первый план, формулировки обретают эмоциональную окраску. В исследованном корпусе не менее трети текстов содержали обороты, мотивирующие население и участников военных операций к поддержке решений командования. Подобная пропагандистская окраска резонирует с тезисами о массовом мнении, которые ранее разрабатывались в контексте изучения тоталитарных и авторитарных пропагандистских моделей.

Таким образом, полученные результаты демонстрируют стратегическое использование лингвистических инструментов в том, что мы обозначаем как военно-политический дискурс. Здесь совмещаются рациональное доведение информации и ярко выраженный эмоциональный фон, опирающийся на парадигму «защита, оправданная историей и моралью, против враждебных посягательств и несправедливости». Исследование таких формул в сопоставлении разных языковых систем подтверждает универсальность обозначенной коммуникационной схемы, при этом национальная специфика связана, в частности, с объемом метафорической экспрессии и отсылками к культурно значимым событиям прошлого.

Исходя из вышесказанного, комплексное исследование военно-политического дискурса указывает на то, что эта область привлекает представителей многих дисциплин: лингвисты обращают внимание на речевые механизмы убеждения, военные социологи анализируют восприятие обществом решений о применении силы, а политологи фокусируются на процедурах легитимации власти. С лингвистической точки зрения интерес вызывает переход сугубо военных документов, обладающих внутренней регламентацией и ограниченным доступом, в публичное пространство. Публичная риторика политиков и высших военачальников зачастую опирается на драматизацию угрозы, что необходимо для консолидации населения. При этом реальная картина боевых действий может подаваться фрагментарно, а формулировки тяготеют к театрализации.

Другая сторона военно-политического дискурса отражается в том, что как только военные решения выходят на уровень публичных международных трибун, будь то заседание Совбеза ООН или встреча лидеров G20, наступает необходимость соблюдать дипломатический этикет. Там особое распространение получает эвфемистическая тональность: реальное военное вторжение может быть названо «точечной операцией» или «превентивными действиями по обеспечению стабильности». Это создает определенный парадокс, когда официальные лица, описывая военные операции, стараются придать им статус естественной реакции на внешние угрозы, нередко упоминая некие универсальные принципы (права человека, мировой порядок) для рационализации своих действий. Подобные ситуации демонстрируют, что военно-политический дискурс, несмотря на наличие военных терминов, стремится вписаться в рамки международного права и гуманитарных ценностей, по крайней мере в декларативном виде.

При анализе перевода обнаруживаются дополнительные трудности. Во-первых, разные языки содержат неодинаковую военную лексику и разнообразные традиции метафорического описания боевых действий. Во-вторых, в политическом поле каждое слово может иметь идеологический оттенок. Термин «террористические элементы», к примеру, позволяет одновременно придать противной стороне негативный статус, не уточняя ее мотивов или степени реальной опасности. Это создает затруднения при переводе в тех случаях, когда в языке-цели отсутствует столь же интенсивный отрицательный коннотат. Подобные наблюдения совпадают с тем, что указывает В. З. Демьянков: перевод политических и военных документов лежит в области соприкосновения филологии, политологии и права, что требует особого уровня лингвокультурной компетенции [Демьянков, 2002].

Еще один важный момент возникает на стыке лингвокогнитивных исследований и исторических опытов применения силы. Многие современные дискурсы о вооруженных конфликтах воспроизводят наработанные клише Второй мировой войны или холодной войны, адаптируя их к текущим обстоятельствам. Сравнительный анализ текстов, отражающих операции на Ближнем Востоке, показывает, что в них используются сходные схемы аргументации, которые задействовали и политики во время прошлых войн: демонизация противника, увязывание собственных действий с некой моральной миссией, призыв к единству перед лицом глобальной угрозы. В таких приемах, как отмечают Т. Н. Хомутова и К. А. Наумова, наиболее ярко проявляется политическая часть дискурса, которая тесно

смыкается с военной [Хомутова, 2017; Наумова, 2019]. Сам факт обращения к историческим аналогиям позволяет строить преемственность, защищающую принятые решения.

Анализ работ зарубежных исследователей дает похожие результаты. Например, Т. ван Дейк выделяет стратегию позитивной презентации себя и негативной презентации оппонента, что служит каркасом для многих публичных обсуждений боевых операций. Дж. Лакофф рассматривает метафору противостояния как глубинный элемент политического сознания, где «борьба добра со злом» становится «театром», в котором одна сторона обречена играть роль негативного персонажа [Лакофф, Джонсон, 2004]. Хотя мы стараемся избегать слова *роль*, можно сказать – ее «функция» в дискурсе сводится к тому, чтобы оправдать внешнее вмешательство. Метафорическая составляющая такой стратегии усиливается, если государственные лидеры ссылаются на собственную исключительную миссию. Это подтверждается многочисленными обращениями к патриотическим символам, к историческим прецедентам национального героизма, создавая своеобразную манихейскую риторику – «мы и наша благодородная цель против опасной силы» [Мавлеев, 2019, с. 246].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение полученных данных дает основание утверждать, что классическое деление на «чисто военный» и «чисто политический» дискурс в современных условиях нередко условно. Военная информация стремительно выводится на политическую арену, а политики придают ей эмоциональную форму, которая затем многократно тиражируется

медиа. Этой коммуникативной повесткой владеют высокие должностные лица, чьи высказывания легитимируют масштабные решения, а общество реагирует на них в ключе заданных официальных интерпретаций или альтернативных мнений. В итоге формируется затейливое пространство, где взаимодействуют пропагандистские материалы, военная документация, экспертные комментарии, дипломатические заявления. Их комплекс и есть тот самый военно-политический дискурс, требующий внимания со стороны лингвистов, переводчиков и специалистов по международным отношениям.

Обозначенные результаты и их обсуждение отнюдь не исчерпывают проблемы. Тема нуждается в дальнейших штудиях, направленных на исследование гендерных или региональных различий: например, как строится риторика применения силы в различных точках мира. Не менее важно расширить корпус текстов и привлечь инструменты компьютерной лингвистики для более масштабных контент-анализов. Особенно перспективными могут оказаться работы, посвященные сопоставлению русскоязычного и китайскоязычного военных словарей в XXI веке, поскольку два государства всё более тесно взаимодействуют в оборонной и дипломатической сферах. Кроме того, остается не до конца раскрытым вопрос воздействия современных технологий (социальных сетей, мессенджеров) на характер и скорость распространения военно-политической риторики. Всё это подтверждает, что имманентное изучение подобных речевых практик открывает широкие горизонты, а результаты могут принести практическую пользу для перевода, консультаций в сфере безопасности и международного права, а также для развития теоретических моделей дискурс-анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Общие проблемы изучения дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
2. Хомутова Т. Н. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 3. С. 49–53.
3. Наумова К. А. Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 96–105.
4. Мишкурин Э. Н. Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2020. № 2. С. 88–105.
5. Van Dijk T. A. *Communicating Ideologies* / Ed. by M. Ptz, Jo Anne Neff van Aertselaer. Frankfurt: Lang, 2004.
6. Швейцер А. Д. Перевод и культурная традиция // Перевод и лингвистика текста: сб. статей. М.: Всероссийский центр переводов, 1994. С. 64–75.
7. Хайруллин В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
8. Дрига М. В. Конститутивные признаки военно-политического дискурса // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 1. С. 41–49.

9. Шашок Л. А. Структурные особенности военного дискурса: обоснование необходимости исследования // Актуальные вопросы филологических наук: материалы VI Международной научной конференции (г. Краснодар, январь 2019 г.). Краснодар: Новация, 2019. С. 9–13.
10. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. № 3. С. 31–44.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
12. Мавлеев Р. Р. Военно-политический дискурс: социально-коммуникативные, лингвокогнитивные и переводческие аспекты: на материале китайского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2000). Common problems of studying discourse. In Linguistic personality: institutional and personal discourse (pp. 5–20). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
2. Homutova, T. N. (2017). Military-political discourse as a special type of discourse. Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics, 14(3), 49–53. (In Russ.)
3. Naumova, K. A. (2019). Content analysis of military-political and military-journalistic discourse formats in a comparative aspect. Politicheskaja lingvistika, 3(75), 96–105. (In Russ.)
4. Mishkurov, E. N. (2020). Modern military-political discourse: Nomination, functions, language deviation, translation. Bulletin of Moscow University. Series 22: Theory of Translation, 2, 88–105. (In Russ.)
5. Van Dijk, T. A. (2004). Communicating Ideologies. Ed. by M. Ptz, Jo Anne Neff van Aertselaer. Frankfurt: Lang.
6. Shvejcer, A. D. (1994). Translation and cultural tradition. Perevod i lingvistika teksta (pp. 64–75): The digest of articles. Moscow: Vserossijskij centr perevodov. (In Russ.)
7. Hajrullin, V. I. (1995). Linguistic, cultural and cognitive aspects of translation: Senior doctoral thesis in Philology. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
8. Driga, M. V. (2022). Constitutive features of military-political discourse. Bulletin of the Russian New University. Series: Human in the Modern World, 1, 41–49. (In Russ.)
9. Shashok, L. A. (2019). Structural features of military discourse: Rationale for the necessity of research. Actual issues of philological sciences (pp. 9–13): Materials of the VI International Scientific Conference (Krasnodar, January 2019). Krasnodar: Novatsiya. (In Russ.)
10. Dem'jankov, V. Z. (2002). Political discourse as a subject of political science philology. Politicheskaja nauka, 3, 31–44. (In Russ.)
11. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metafori, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live by. Editorial URSS. (In Russ.)
12. Mavleev, R. R. (2019). Military-political discourse: Socio-communicative, linguistic-cognitive, and translation aspects: Based on Chinese and Russian languages: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тенитилов Павел Сергеевич

кандидат педагогических наук
заместитель начальника кафедры романских языков Военного университета им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Мазура Лидия Константиновна

адъюнкт Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tenitilov Pavel Sergeevich

PhD in Pedagogy
Deputy Head of the Chair for Romance Languages
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Mazura Lidia Konstantinovna

PhD Student
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	15.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	19.04.2025	accepted for publication